

ОБРАЗ ТРУДОВОГО МИГРАНТА В ПРЕССЕ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

В статье рассматриваются проблема массовой иммиграции и усиление мигрантофобии в российском обществе, анализируются особенности адаптации и поведенческие стратегии, рост конфликтности общества по отношению к мигрантам. Особое внимание уделено роли СМИ в формировании образа мигранта. На основании анализа данных социологических опросов и материалов СМИ сделан вывод о том, что этническая, расовая и культурная компоненты миграции для России все более нивелируются, уступая место мигрантофобии по отношению ко всем приезжим.

Ключевые слова: трудовые мигранты, мигрантофобия, адаптация, общественное мнение.

Сегодня иммиграция для России – основной источник восполнения численности населения страны и нивелирования дефицита трудовых ресурсов. Российскими властями массовая миграция уже не оценивается однозначно в категории «угроза», но представляет потенциальный либо вполне реальный вызов безопасности для государства и общества, так как нарушает сложившееся равновесие социальной системы. Россия, как и другие принимающие страны, под влиянием внешней миграции становится этнически и конфессионально разнородной, одновременно массовая миграция усиливает конфликтогенный потенциал российского общества.

Выстраивание схемы взаимодействия между населением принимающей страны и этническими мигрантами во многом зависит от характера межкультурной коммуникации. И мигранты, и принимающее общество формируют социальные образы друг друга. При безоценочных и эмоционально-нейтральных образах социальное взаимодействие упрощается, становясь в значительной степени предсказуемым и бесконфликтным.

И наоборот, если во взаимных представлениях проявляются оценочные характеристики, а в обобщенных образах друг друга – эмоционально насыщенные метафорические черты, то возможности взаимодействия проблематизируются [Титов, 2004]. Социальное осмысление неизбежно формирует стереотипы, фобии и мифы. Оформленные социальные представления при доминировании стереотипизированных образов влияют на степень взаимного доверия и, следовательно, выстраивание определенного типа взаимодействий [Мукомоль, 2005].

Образ мигранта, как и любой социокультурный феномен, представляет собой совокупность рациональных и иррациональных суждений, основанных на оценках, ощущениях и ассоциациях. Образ мигранта лишь отчасти соотносится с образом той или иной страны или этноса. Отношение к мигранту всегда амбивалентно, оно складывается из симпатии и антипатии, составной частью его могут быть не только стереотипы, но и мифологемы. В отличие от многих других образов, образ мигранта не только складывается на основе широкой социальной прак-

тики и непосредственного наблюдения, но и сознательно формируется в процессе функционирования так называемого общественного мнения, именно поэтому этот образ ориентирован на самую широкую аудиторию. Как и любые стереотипы и фобии, устойчивые представления о миграции и мигрантах достаточно архаичны и статичны, а их изменение возможно лишь при условии трансформации отношения принимающего общества к мигрантам.

В рамках проблемного поля «миграции и мигранты» можно выделить несколько взаимосвязанных дискурсов: масс-медийный, административно-бюрократический, политический, академический, каждый из которых имеет специфический стиль, аргументацию и идеологию. Миграционная тематика в отличие от других имеет кольцевую или перекрестную аргументацию (СМИ ссылаются на чиновников и ученых, а последние – на данные СМИ) и зачастую легко совмещает прямо противоположные представления о проблеме.

Сфера медиа является важнейшей составляющей при формировании образа. Значительную роль в формировании образа миграции и мигранта играют печатные СМИ. Сегодня миграция рассматривается в СМИ преимущественно как объективный и неизбежный процесс. Но при этом до сих пор миграция нередко отождествляется с экспансией. По сути, российский читатель изначально настроен негативно по отношению к приезжим, так как ему постоянно напоминают, что проблема сложная и не имеет решения. Власть, через СМИ заявляя о важности миграции для России в связи с дефицитом трудовых ресурсов и депопуляцией населения, одновременно искусно актуализирует необходимость «охранной» стратегии и жесткого регулирования миграционных потоков.

Описывая социальный контекст, пресса, используя изобразительные приемы, формирует, точнее, помогает оформлению в основном уже сложившегося у читательской аудитории образа мигранта. Вместе с тем в звучащей риторике заложен и доминирует националистско-имперский стереотип. Но при этом националистический дискурс накладывается на общее прошлое, поскольку для большинства постсоветских стран в предшествующие исторические периоды с Россией сложились устойчивые традиции

многостороннего социально-экономического и культурного взаимодействия.

В медийном дискурсе мигранты предстают в виде некой неодушевленной массы, потока, резервуара рабочей силы и одновременно инструментом для вытеснения коренного населения, в первую очередь с рынка труда, и даже в виде «антропологического оружия в необъявленной демографической войне» [Скребцова, 2007]. Трактовка мигрантов как неодушевленной массы способствует закреплению в сознании россиян схематического и предвзятого стереотипа, в то время как образ России – принимающей страны персонифицируется, в очередной раз эксплуатируется образ «России в качестве страны, страдающей от насилия и унижения».

Анализ прессы позволяет выделить два преобладающих типа образа этнического мигранта. Первый оценивается преимущественно негативно, в его характеристиках выделяются агрессия, угроза экономическому благосостоянию коренного населения и его культуре, обострение ситуации с преступностью, наркоманией, эпидемиологической обстановкой, несоответствие между нормами, принятыми в стране, и жизненными нормами этнических мигрантов, когда их образ жизни ограничен рамками этнической общины. В ином случае мигрант наделяется более позитивными характеристиками, долженствующими вызвать сочувствие в связи с многочисленными проблемами и трудностями адаптации. Но именно первый, доминирующий в прессе, образ мигранта влияет на формирование этнических стереотипов и социальных представлений у населения принимающей среды в целом и у читательской аудитории в частности.

Сформировавшийся негативный социально-психологический фон, равно как и образ мигрантов, созданный прессой, далее транслируется аудитории, усиливая в ней уже существующую тревогу, опасения, недоверие и другие отрицательные эмоциональные составляющие ментальных установок в отношении этнических мигрантов [Титов, 2004]. Пресса способствует «переводу» неприятия с бытовых, неоформленных стереотипов на уровень внешне аргументированных обоснований мотивов поведения «иног», «другого», «чужого». Это формирует как оппозицию «мы – они» («свои – чужие»), так и соответствующие

стереотипы массового сознания. В итоге усиливаются взаимное социальное дистанцирование и замкнутость, не формируются практики партнерства, осложняется адаптация. Кроме того, со стороны принимающей среды это может привести к дискриминации и ограничению в правах некоторых категорий мигрантов, а со стороны этнических мигрантов – к актам агрессии. По мнению Федеральной миграционной службы России, СМИ негативно влияют на формирование образа мигранта у россиян. Так, в 2008 г. именно российские СМИ, по мнению 40 % граждан РФ, способствовали формированию нетерпимого отношения к мигрантам в стране¹. Но возникает вопрос: действительно ли нетерпимость россиян к мигрантам обусловлена влиянием СМИ?

Усиливающуюся конфликтность общества по отношению к мигрантам подтверждают и результаты социологических опросов. Многочисленные исследования, проводимые Левада-центром с 1990 г., отмечают негативную динамику в отношении россиян к мигрантам, характеризуя его как смещенную агрессию [Гудков, 2005]. По мнению директора Левада-центра Л. Д. Гудкова, «природа этнических фобий или неприязни к мигрантам представляет собой защитную архаическую реакцию на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или возможности сохранения своих позиций или интересов» [Там же]. В массовой ксенофобии проявляется реакция общества на системную трансформацию, в том числе на интенсивную территориальную и социальную мобильность населения, что является, пусть и крайне примитивной, формой самозащиты от прогнозируемого усложнения общественной системы и реакцией на внешнее воздействие. Именно в отношении мигрантов происходит смещение напряженности, существующей в обществе, а нелюбовь к приезжим («понаехали тут») принимает как рефлексивный, так и нерефлексивный характер. Мигрантофобия неизбежно становится необходимой составляющей адаптационной

реакции принимающего общества. Отношение к мигрантам характеризует не только специфику взглядов отдельных слоев и групп, но и массовое сознание в целом, позволяет судить об идентичности, равно как и о механизмах, поддерживающих определенный уровень социальной солидарности. Ксенофобия возникает в ответ на внутренние напряжения и комплексы, но затем влечет за собой проективную реакцию обоснования своей недоброжелательности в мнимых аргументах чужой неприязни и агрессии [Там же. С. 65].

Изначально терпимое и даже благожелательное отношение к мигрантам в конце 1980-х гг. меняется на негативное, и на протяжении 1990–2000-х гг. в сфере межэтнических отношений напряженность только углубляется [Гудков, 2002]; наблюдались также существенный рост ксенофобии и массовое стремление к ужесточению государственного контроля над миграцией. Если на заре 1990-х гг. тема миграции мало волновала общество, и отношение к беженцам и вынужденным мигрантам было очень терпимым, то после распада СССР, когда миграцию подстегнули межнациональные конфликты и экономические причины, ситуация резко изменилась. Уже к середине десятилетия до половины опрошенных респондентов высказывали мнение, что миграция стала «большой проблемой» для России; через десять лет уже две трети россиян разделяли мнение, что «приезжих слишком много». Сравнительный анализ социологических данных за 1997–2009 гг. относительно наличия в стране значительного количества мигрантов, в первую очередь из стран ближнего зарубежья², наглядно демонстрирует устойчивое сокращение количества лиц, выказавших положительное отношение к мигрантам. При этом наблюдается рост числа нейтрально настроенных, на их долю приходится почти половина респондентов. Более нестабильным показателем оказывается количество лиц, настроенных к мигрантам отрицательно и резко отрицательно.

Общество стало воспринимать мигрантов как угрозу и уже со второй половины 1990-х гг. начало искать пути «самозащи-

¹ СМИ негативно влияют на формирование образа мигранта у россиян – ФМС. Сообщение РИА Новости. 20.09.2008. URL: <http://ria.ru/society/20080930/151731060.html>

² Россияне о приезжих «нерусских национальностей». 07.12.2009. URL: <http://www.levada.ru/press/2009120704.html>

ты», консолидируясь на основе внутренней ксенофобии. На рубеже 1990–2000-х гг. социальные исследования зафиксировали укрепление в российском коллективном сознании ощущения национальной исключительности, охранительно-запретительные установки показали изрядную степень распространенности в российском обществе ожиданий не только реализации «ограничительной» политики, но и дискриминационных мер в отношении этнических мигрантов.

К 2005 г. лишь четверть россиян не видела угрозы в многонациональном характере российского государства и в возможности приезда в страну людей разных национальностей. Лозунг «Россия для русских», бывший ранее неприемлемым для большинства населения (в середине 1990-х гг. лишь 10–15 % россиян считали, что он может стать консолидирующим), поддерживался в разной степени уже более чем половиной респондентов, и в 2009 г. более 60 % опрошенных готовы были поддержать меры по ограничению числа иностранцев, приезжающих в Россию. За семь лет доля таких респондентов возросла на 25 % за счет сокращения численности тех, кто выступает за относительное смягчение административных барьеров и использование трудовых мигрантов в интересах развития страны.

Российское общество не хочет осознавать целесообразность и естественность миграции в Россию, половина населения страны категорически против присутствия мигрантов. Негативное отношение к мигрантам свидетельствует о внутреннем напряжении в современном российском обществе: о значительной распространенности понижающего типа социальной адаптации, непреодолимых барьерах, мешающих социальной мобильности, о препятствиях на пути формирования позитивных жизненных стратегий и способов их реализации³. Сложившиеся в обществе фобии и стереотипы связаны в значительной степени не с дифференциацией «других» по происхождению и этничности, но в значительной степени поддерживаются архаичными страхами, стремлением уклониться от контактов и

обеспечить для себя культурно однородную, предсказуемую среду обитания.

Российское общество идентифицирует не всех мигрантов 1990-х и первого десятилетия 2000-х гг., выделяя лишь три базовые группы: русские, выходцы из стран СНГ и Балтии; представители титульных этносов государств Средней Азии и Закавказья («кавказцы» и «таджики») и мигранты из Азиатско-Тихоокеанского региона, объединенные под собирательным образом «китайцы». Иерархическое восприятие этносов ведет к выстраиванию своеобразной шкалы социальной дистанции. В российском обществе наибольшая конфликтность фиксируется в отношении кавказских народов (без учета гражданства) и граждан Китая. Именно эти пришлые, не автохтонные, иммигрантские группы отличаются от принимающего общества социокультурными, религиозными, национальными и даже расовыми характеристиками.

Мощное поле напряженности существует вокруг граждан Китая. Контекст отношения россиян к Востоку вообще и к Китаю в частности всегда менялся в зависимости от политической конъюнктуры. В российском массовом сознании сложился весомый, но неоднозначный и противоречивый образ Китая. Устойчивый интерес к китайской культуре одновременно уживается с иррациональным ощущением угрозы (территориальной, экономической и демографической экспансии), исходящей из Китая. В 1990-е и начале 2000-х гг. в СМИ несколько раз поднималась антикитайская кампания, муссирующая тезис о «китайской угрозе». Но если в 1990-х и начале 2000-х гг. китайское присутствие интерпретировалось в категориях «желтая опасность» или «желтая угроза», то в настоящее время произошел переход от расовых характеристик к национальным.

Китайскую экспансию связывают не только с массовой миграцией граждан Поднебесной и китаизацией российского Дальнего Востока, но и с интересом Китая к сырьевым ресурсам Сибири и Дальнего Востока. По мнению иркутского исследователя В. И. Дятлова [2011], Россию сегодня в значительной степени интересуют не китайские мигранты, а воплощенная в них китайская проблема, выстроенная в концептах «экспансия», «эксплуатация» (в первую очередь ресурсов), «криминал». Парадокс

³ Общественное мнение. 2004. URL: <http://www.levada.ru/om2004.html>

сально, но при доминировании негативных оценок к китайскому присутствию в России россияне в целом благожелательно относятся к Китаю и сотрудничеству с этой страной. Именно по совокупности этих обстоятельств китайская тема широко представлена во всех типах дискурсов, в том числе и в масс-медиа.

Сегодня отношение россиян к китайским мигрантам вписывается в общую картину отношения россиян к трудовым мигрантам. В обществе достаточно распространены взаимоисключающие точки зрения на последствия использования труда китайских рабочих. Доминирует точка зрения, согласно которой использование китайской рабочей силы ведет к росту безработицы среди местного населения, при этом чуть меньше половины жителей Дальнего Востока считают, что ее привлечение способствует восполнению дефицита рабочей силы [Ларин, 2009]. Социокультурные оценки китайцев россиянами до сих пор занижены. В качестве положительных черт подчеркиваются трудолюбие, предприимчивость, неприхотливость, адаптивность, в качестве отрицательных – хитрость, неискренность, скрытое высокомерие.

Поскольку китайцы в России сумели найти свою экономическую нишу и свели конкуренцию к минимуму, россияне пока признают и помнят, что китайцы одели и обули нас в трудные времена. Но постепенно этот сюжет (китайский ширпотреб) становится для прессы все более периферийным. Традиционно в России восприятие китайцев не было персонифицированным, хотя в 1990-е гг. доминировала практика личного общения. В последнее время отношение к китайцам как «биомассе» только усиливается. На фоне значительного количества посвященных им материалов СМИ, в том числе на телевидении, масс-медиа не формируют индивидуальный образ китайского мигранта. Данный образ для россиян становится все более схематичным, безликим.

Средний россиянин не различает мигрантов из закавказских стран и коренное население российской части Кавказа, объединяя всех под термином «лицо кавказской национальности». В значительной степени кавказофобия в России была неизбежна: еще с советских времен на обыденном уровне фиксировалась чужеродность кав-

казцев, а в постсоветский период к ним добавился комплекс страхов, начиная от «боязни» рынка до страхов относительно развала страны и терроризма. При этом образ «кавказца» как врага сознательно формировался и российской властью. До сих пор в массовом сознании россиян «кавказец» – это скрытая угроза; негативные характеристики доминируют над позитивными. В последнее время, несмотря на информационные всплески (события на Манежной площади), интерес СМИ к данной проблеме видоизменяется и идет на спад. Если в 1990-х – начале 2000-х гг. основу кавказофобии составлял ярко выраженный акцент на темы насилия, войны и террора, то сейчас это в первую очередь мигрантофобия [Дятлов, 2011], хотя основная миграционная волна в Россию с постсоветского Кавказа уже прошла. На периферии тематики СМИ при провозглашенной политике толерантности продолжают сохраняться культурно-этнический негативизм и плохо скрываемый национализм, порождаемый осознанием того, каких невероятных усилий, в том числе и материальных, будет стоить сохранение Кавказа в составе России.

Миграция из постсоветских Средней Азии и Закавказья способствует увеличению количества мусульман в нашей стране, и именно ислам ассоциируется с наплывом в Россию иммигрантов. Из социально-экономической плоскости данный вопрос уже давно перешел в разряд «мусульманской угрозы». Угрозу в исламских иммигрантах видит более половины европейцев, из них три четверти не верят в интеграцию мусульман в европейское общество. В российском обществе также доминирует точка зрения, согласно которой ислам несовместим с концепцией западного мира. Несмотря на заверения о толерантности российского общества и возросшей политкорректности, на уровне массового сознания россияне воспринимали и продолжают воспринимать ислам как нечто чужеродное. Сегодня четверть россиян считает ислам чуждой религией. Безусловно, приток мусульманских мигрантов может привести к укреплению позиций, роли и политического веса ислама и мусульманских организаций в России. До сих пор мигрантские диаспоры в России формировались по этническому, а не религиозному признаку. Исламская компонента миграции все чаще ставится в повестку дня,

но реально себя пока не проявляет, и в этом смысле российская ситуация кардинально отличается от западноевропейской. Российская пресса крайне мало внимания уделяет важнейшей проблеме интеграции мусульманских иммигрантов в российское мусульманское общество. Однако эксперты фиксируют попытку увязать трудовую миграцию из Центральной Азии с угрозой «исламского экстремизма», хотя этот тезис пока не получает ответной реакции у аудитории [Дятлов, 2011].

Мигранты из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии воспринимаются российским обществом в значительной степени не как мусульмане, а как рабочая сила, как люди второго сорта. Российское население обращается к трудовым мигрантам по преимуществу свысока и оскорбительно, лишь треть – нейтрально. Присутствие мигрантов из Центральной Азии оказывает реальное воздействие на этнический ландшафт страны, но при этом не вызывает явного отрицания в российском обществе. Мигранты из постсоветской Центральной Азии представлены для среднестатистического россиянина в образе «таджика». Возможно, это связано с тем, что из центральноазиатских народов первыми трудовыми мигрантами в России были именно таджики, хотя количественно сейчас доминируют узбеки. «Таджик» (как явление, а не приезжий из Таджикистана) стал массовой фигурой и частью российской повседневности. Фактически слово «таджик» стало синонимом слова «гастарбайтер» (заметим, слова немецкого происхождения, также несущего изрядный негативный смысл), а сам жаргонизм стал общепринятым в российской массовой речевой практике [Дятлов, 2011]. Негативное отношение к таджикским мигрантам в значительной степени связано с упоминаниями их в СМИ связи с проблемой наркотиков, что формирует негативный ассоциативный ряд: «таджик – мигрант – иностранец – гастарбайтер – наркоторговец»⁴.

До сих пор жизнедеятельность и труд среднеазиатских мигрантов протекают в значительной степени в нелегальной сфере, что способствует закреплению маргиналь-

ного статуса трудовых мигрантов как особой социально-профессиональной общности и даже особой страты в социальной структуре постсоветского российского общества⁵. Этот тезис находит отражение как в медийном, так и в академическом дискурсе, но при этом отмечается, что пока мигранты представляют собой закрытую и маргинальную общность, ориентированную в значительной степени на внутригрупповые интересы, а не на включенность в систему социальных отношений в России [Пяткова, 2005]. Российское общество настойчиво пытается вывести мигранта за границы социума. Этническая, расовая и культурная компонента миграции для России все более и более нивелируется, уступая место единой мигрантофобии, что свидетельствует в первую очередь о том, что россияне продолжают придерживаться «оборонительной тактики» в отношении мигрантов.

Список литературы

- Гудков Л. Д.* Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестн. обществ. мнения. 2005. Ноябрь-декабрь. № 80.
- Гудков Л.* Динамика ксенофобии в постсоветской России // Вестн. Ин-та Кеннена в России. М., 2002. Вып. 1.
- Дятлов В. И.* «Граждане ближнего зарубежья» и другие... // Дружба народов. 2011. № 4.
- Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.
- Мукомоль Вл.* Российские дискурсы о миграции // Вестн. обществ. мнения. 2005. № 1 (75).
- Пяткова Е. А.* Социальная адаптация трудовых мигрантов из Средней Азии: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Скребцова Т. Г.* Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 3 (23). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/skrebtsova-07.htm>

⁴ *Старостин А.* Уральские социологи составили портрет таджикского мигранта и выявили основные проблемы гастарбайтеров. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php>

⁵ См.: *Стешин Д.* Есть такая национальность – гастарбайтеры // Комсомольская правда. 2007. 17 июля; *Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества.* М., 2006; *Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России. М., 2008.

Титов В. Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Демоскоп Weekly. 22 ноября – 5 декабря 2004. № 179–180. URL: <http://>

www.demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit03.php (опубликовано: СОЦИС. 2003. № 11).

Материал поступил в редколлегию 05.12.2011

N. N. Ablazhey

**THE IMAGE OF A WORK IMMIGRANT
IN THE PRESS AND IN THE MASS THINKING OF RUSSIANS**

The paper deals with the issue of mass migration and rise in hostility towards immigrants; adjustment issues and behavioral strategies are analyzed and aggravation of conflicts with immigrants in the society is investigated. Special emphasis is given to the role of mass media in forming the image of an immigrant. Based on the analysis of the data provided by sociological surveys, a conclusion is made that the ethnic, racial and cultural components of migration in Russia are being leveled, replaced by xenophobia towards all immigrants (migrant phobia).

Keywords: work migrants, migrant phobia, adjustment, public opinion.